А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 243** **29 октября 2026 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием представителя адвоката А. – адвоката Л. и представителя заявителя Ка. – М., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео- конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ка. от 04 мая 2026 года (вх. № … от …) в отношении адвоката А.,

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 08 июля 2026 года вынесла заключение:

1) о неисполнении адвокатом А., вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно и добросовестно отстаивать права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), профессиональных обязанностей перед доверителем Ка., выразившемся в том, что, добровольно приняв на себя 17 апреля 2026 года посредством направления Ответа на претензию исх. № … от 17 апреля 2026 года письменное обязательство о возврате доверителю ИП Ка. в срок до 31 мая 2026 года вознаграждения в размере 8 000 000 рублей (за вычетом фактически отработанной его части и расходов, понесенных в связи с оказанием юридической помощи), полученного от доверителя ИП Ка. двумя платежами в безналичной форме (4 000 000 рублей 05 ноября 2025 года и

4 000 000 рублей 06 ноября 2025 года) на основании Соглашения об оказании юридической помощи № … от 05 ноября 2025 года, заключенного между доверителем ИП Ка. и адвокатами Адвокатского бюро города Москвы «К.» в лице управляющего партнера – адвоката А., адвокат А., злоупотребляя доверием, сформировавшимся к нему как к адвокату у доверителя Ка., уклонился от исполнения этого обязательства вплоть до настоящего времени (по крайней мере, до 08 июля 2026 года включительно);

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе Ка. от 04 мая 2026 года (вх. № … от …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат А., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство (вх. № … от …) об отложении рассмотрения дисциплинарного производства на иную дату с целью обеспечения его личного участия и предоставления ему возможности «завершить» возврат доверителю вознаграждения в размере 8 000 000 рублей с документальным подтверждением этого. В обоснование ходатайства сослался на то, что 29 октября 2026 года он будет занят в судебном заседании по уголовному делу № … в Л. районном суде города В.. При этом документов, подтверждающих участие в вышеуказанном уголовном деле, в том числе в судебном заседании по нему 29 октября 2026 года, не представил. Кроме того, изложил в ходатайстве свою позицию на случай рассмотрения Советом дисциплинарного производства в его отсутствие, а именно: сообщил, что с заключением Квалификационной комиссии ознакомлен, выводы Комиссии не оспаривает и принимает; признал, что, добровольно приняв на себя 17 апреля 2026 года письменное обязательство возвратить доверителю Ка. в срок до 31 мая 2026 года вознаграждение в размере 8 000 000 рублей и не исполнив это обязательство своевременно, он допустил нарушение взаимосвязанных предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. При этом просил ограничиться мерой дисциплинарной ответственности в виде замечания или предупреждения, признав в качестве обстоятельств, смягчающих его ответственность, следующие:

– нарушение допущено им впервые за 19 лет непрерывной адвокатской практики;

– вмененное нарушение не связано с оказанием некачественной юридической помощи и не повлекло вреда правам и законным интересам доверителя по существу налогового спора;

– вмененное нарушение носит имущественный и полностью устранимый характер, и он принимает на себя безусловное обязательство по возврату вознаграждения в размере 8 000 000 рублей в срок до 29 ноября

2026 года, что, по его мнению, приведет к полному восстановлению прав доверителя;

– в период, на который пришлись исполнение принятого обязательства и рассмотрение дисциплинарного производства – 16 июня 2026 года, скончалась его мать, что, по его мнению, объективно повлияло на возможность своевременного урегулирования возникших вопросов;

– умысла на причинение вреда доверителю либо на подрыв доверия к адвокатуре адвокат А. не имел, выражает раскаяние и готовность к полному возмещению.

Кроме того, адвокат А. представил адресованное Совету письменное «Обязательство» (вх. № … от …) возвратить доверителю Ка. денежные средства в размере 8 000 000 рублей в полном объеме до 30 ноября 2026 года с незамедлительным уведомлением об этом Адвокатской палаты города Москвы, в котором адвокат А. просит Совет сообщить ему реквизиты для перечисления денежных средств.

Представитель адвоката А. – адвокат Л. в заседании Совета поддержал указанное ходатайство об отложении рассмотрения дисциплинарного производства на иную дату, а также иные доводы адвоката А., приведенные им в ходатайстве. Отвечая на вопросы членов Совета о том, для чего адвокату А. потребовалось представление 28 октября 2026 года адресованного Совету обязательства о возврате доверителю Ка. денежных средств при наличии письменного обязательства о том же, данного адвокатом А. непосредственно доверителю еще 17 апреля 2026 года, и как можно объяснить названные им в ходатайстве и в Обязательстве разные сроки возврата денежных средств (соответственно 29 и 30 ноября 2026 года), пояснил, что обязательство, данное Совету, подтверждает намерение адвоката А. вернуть денежные средства доверителю в те сроки, которые адвокат А. оценил для себя как возможные. Вместе с тем, затруднился ответить на вопросы о том, по какой причине адвокат А. считает возможным запрашивать у Совета реквизиты для возвращения долга доверителю, и каким образом смерть его матери, наступившая 16 июня 2026 года, препятствовала исполнению обязательства перед доверителем, принятого им 17 апреля 2026 года со сроком исполнения до 31 мая 2026 года.

Заявитель Ка., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, обеспечил участие представителя – М., который возражал против удовлетворения ходатайства адвоката А. об отложении рассмотрения дисциплинарного производства и просил рассмотреть его по существу. В обоснование своей позиции пояснил, что он и его доверитель рассматривают это ходатайство как продолжение тактики адвоката А., направленной на затягивание рассмотрения дисциплинарного производства и возврата долга. Совет по просьбе адвоката А. уже предоставлял ему дополнительное время для возврата денежных средств доверителю и урегулирования конфликта, отложив 29 сентября 2026 года рассмотрение дисциплинарного производства на 29 октября 2026 года, то есть на месяц. Однако за это время адвокат А., как и раньше, реальных мер к возврату долга не принял. Он дважды написал

доверителю в мессенджере, что перечислит деньги до 29 октября 2026 года и ожидает поступления средств от иного доверителя. Одновременно он настойчиво предлагал отозвать жалобу. Фактически же, приняв 17 апреля 2026 года обязательство вернуть Ка. 8 000 000 рублей до 31 мая 2026 года, адвокат А. до сих пор не вернул ни единого рубля и только обещает исполнить это обязательство, называя все новые и новые сроки. Кроме того, М. от имени своего доверителя Ка. просил Совет применить к адвокату А. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. В обоснование этой позиции пояснил, что Ка., обратившись к адвокату А. за юридической помощью и заключив с ним соответствующее соглашение с условием об авансовой оплате достаточно крупного вознаграждения, руководствовался именно наличием у А. статуса адвоката и его известностью в этом качестве, что вызывало к нему особое доверие. Однако вместо оказания реальной помощи и добросовестного исполнения обязательств адвокат А. воспользовался своим статусом и доверием Ка. для личного обогащения, удалив переписку с доверителем и заблокировав его контакты после заявления Ка. требования о расторжении соглашения и возврате вознаграждения. Поэтому А. не должен иметь возможность продолжать адвокатскую деятельность, чтобы другие люди не пострадали от его нечестности. Обратившись с жалобой на адвоката А., Ка., прежде всего, преследует цель привлечения его к ответственности за такое поведение, при котором речь о примирении с ним идти не может.

Разрешая ходатайство адвоката А. об отложении рассмотрения дисциплинарного производства, Совет исходит из следующего. Ссылка адвоката А. на участие 29 октября 2026 года в судебном заседании Л. районного суда г. В. голословна, поскольку ничем не подтверждена. Представленная им копия посадочного талона на авиаперелет 28 октября 2026 года из г. Москвы в г. В. доказательством профессиональной занятости или наличия иной уважительной причины неявки в заседание Совета не является. Кроме того, 29 сентября 2026 года Совет по просьбе адвоката А. и вопреки возражениям заявителя уже откладывал рассмотрение настоящего дисциплинарного производства, предоставив адвокату А. дополнительный месяц для исполнения обязательства перед доверителем, которое на тот момент уже было просрочено на 4 месяца, и урегулирования конфликта. Однако обязательство адвокатом А. по-прежнему не исполнено, денежные средства не возвращены ни в какой части, а заявитель отрицает возможность заключения мирового соглашения и отзыва жалобы, настаивая на рассмотрении дисциплинарного производства по существу. Кроме того, адвокат А. заблаговременно извещен о дате заседания Совета, письменно выразил изложенное выше отношение к заключению Квалификационной комиссии, обеспечил участие в заседании Совета своего представителя. При таких обстоятельствах Совет рассматривает заявленное адвокатом А. ходатайство как направленное на затягивание рассмотрения дисциплинарного производства и уклонение от ответственности как перед доверителем, так и перед Советом. При этом Совет отмечает, что адвокат А. на протяжении всего дисциплинарного разбирательства (как по настоящему

делу, так и по двум предыдущим, о которых будет сказано ниже) не участвовал ни в одном из заседаний Квалификационной комиссии и Совета. Принимая во внимание изложенные обстоятельства и руководствуясь п. 3 ст. 19, п. 1 и 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым своевременность является одним из обязательных требований к дисциплинарному производству, срок дисциплинарного разбирательства в Совете составляет два месяца с момента вынесения заключения квалификационной комиссией, не считая времени его отложения по причинам, признанным Советом уважительными, а неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет, не усмотрев уважительных причин для дальнейшего отложения разбирательства, отказал в удовлетворении ходатайства адвоката А. об этом и рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие последнего.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав представителей адвоката А. и заявителя Ка., соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

05 ноября 2025 года между доверителем ИП Ка. и адвокатами Адвокатского бюро города Москвы «К.» в лице управляющего партнера – адвоката А. заключено Соглашение об оказании юридической помощи № … (далее Соглашение). Абзацем 2 пп. 1.1 Соглашения установлено: «*Предмет соглашения, который обуславливает виды, объем и специфику оказания юридической помощи по Соглашению, описывается Сторонами в пп. 1.3 Соглашения (далее – Проект, Поручение)*». Согласно пп. 1.3.1 Соглашения «*характером поручения*» является «*оказание юридической помощи по запросу доверителя и в объеме, указанном доверителем*». Согласно пп. 2.3 Соглашения «*Сумма вознаграждения определяется путем умножения количества часов, затраченных Поверенным и/или Рабочей группой на выполнение задач, на почасовые ставки оплаты…*». В соответствии с пп. 2.4 Соглашения при его подписании «*Доверитель обязуется произвести оплату*» в размере 8 000 000 рублей.

05 ноября 2025 года Адвокатским бюро города Москвы «К.» в лице управляющего партнера – адвоката А. доверителю ИП Ка. выставлены счета № … и № … на сумму 4 000 000 рублей каждый с назначением платежа «Оплата по Соглашению СУ …». При этом в этих счетах указаны разные банковские реквизиты Адвокатского бюро города Москвы «К.»: в одном – в ПАО Сбербанк город Москва, в другом – в АО «Альфа-банк» город Москва. В тот же день, 05 ноября 2025 года, на основании платежного поручения ООО «Банк Точка» город Москва № … ИП Ка. на расчетный счет Адвокатского бюро города Москвы «К.» в ПАО Сбербанк город Москва перечислены 4 000 000 рублей с назначением платежа «Оплата по счету № … от … за юридическую помощь. Соглашение СУ … Без налога (НДС)». 06 ноября 2025 года на основании платежного поручения ООО «Банк Точка»

город Москва № … ИП Ка. на расчетный счет Адвокатского бюро города Москвы «К.» в АО «Альфа-банк» город Москва перечислены 4 000 000 рублей с назначением платежа «Оплата по счету № … от … за юридическую помощь. Соглашение СУ … Без налога (НДС)».

Кроме того, между доверителем ИП Ка. и адвокатами Адвокатского бюро города Москвы «К.» в лице управляющего партнера А. заключено Дополнительное соглашение от 18 ноября 2025 года к Соглашению. Согласно п. 1 этого Дополнительного соглашения «Предмет соглашения», стороны договорились «*Внести изменение в пункт 2.3 Соглашения и изложить его в следующей редакции: «Сумма вознаграждения составляет 8 000 000 (восемь миллионов) рублей за полное сопровождение выездной налоговой проверки в отношении Доверителя*». Согласно п. 2.1 Дополнительного соглашения от 18 ноября 2025 года «*Изменения, внесенные настоящим Дополнительным соглашением в Соглашение от ... № ..., действуют с даты подписания Сторонами указанного Соглашения*».

18 ноября 2025 года управляющим партнером Адвокатского бюро города Москвы «К.» – адвокатом А. составлены и подписаны Акт сдачи-приемки оказанной юридической помощи к Соглашению, содержащий сведения об оказании юридической помощи за период с 05 по 09 ноября 2025 года на сумму 4 000 000 рублей, и Акт сдачи-приемки оказанной юридической помощи к Соглашению, содержащий сведения об оказании юридической помощи за период с 10 по 17 ноября 2025 года, также на сумму 4 000 000 рублей. Указанные акты и Дополнительное соглашение от 18 ноября 2025 года направлены доверителю Ка. в электронной форме посредством мессенджера Telegram пользователем «…» 19 ноября 2025 года с просьбой об их подписании. Согласно доводам адвоката А., оказанные «услуги» приняты «без замечаний и возражений» в связи с ненаправлением на них Ка. письменных возражений в течение пяти рабочих дней с даты их получения в порядке, предусмотренном п. 4.2 Соглашения.

30 декабря 2025 года доверитель Ка. направил адвокату А. посредством мессенджера Telegram сообщение: «*.... привет! Поскольку никакие услуги оказаны не были, просьба вернуть обе суммы на мое ИП до нового года. Тебе нужно для этого официальное письмо или сообщения достаточно?*». В ту же дату в ответ на данное сообщение адвокат А. направил посредством мессенджера Telegram доверителю Ка. сообщение: «*(имя), я же все сказал (имя). От количества сообщений ничего не изменится*».

07 апреля 2026 года доверитель Ка. направил адвокату А. посредством мессенджера Telegram Претензию от 31 марта 2026 года, в которой, помимо прочего, высказана просьба о возврате в десятидневный срок:

– 4 000 000 рублей, перечисленных на основании платежного поручения от 05 ноября 2025 года №...;

– 4 000 000 рублей, перечисленных на основании платежного поручения от 06 ноября 2025 года № ..;

– 12 000 000 рублей, выплаченных 11 ноября 2025 года в наличной форме.

17 апреля 2026 года управляющий партнер Адвокатского бюро города Москвы «К.» – адвокат А. посредством мессенджера Telegram направил ИП Ка. ответ на претензию (исх. № .. от 17 апреля 2026 года), в котором в числе прочего сообщил: «*Бюро готово возвратить указанную сумму в размере 8 000 000 (восьми миллионов) рублей в срок до «31» мая 2026 года. Реквизиты для перечисления просим направить на электронный адрес: …@...*». Вместе с тем, в указанном ответе адвокат А., отрицая полное бездействие адвокатов Адвокатского бюро города Москвы «К.», указал, что «*с учетом фактически понесенных расходов и выполненных действий, Бюро оставляет за собой право на удержание соответствующей части вознаграждения в порядке ст. 782 ГК РФ и ст. 25 Закона об адвокатуре*». Кроме того, в том же ответе адвокат А. отрицал факт получения денежных средств в размере 12 000 000 рублей Адвокатским бюро города Москвы «К.» или его уполномоченным представителем, равно как и факт заключения с доверителем Ка. соглашения об оказании юридической помощи, предусматривающего выплату указанного вознаграждения.

20 апреля 2026 года доверитель Ка. направил адвокату А. Претензию от 20 апреля 2026 года № …, в которой выразил несогласие с возвратом ему лишь части денежных средств из фактически выплаченных 20 000 000 рублей и потребовал, исходя из принципа справедливости и разумности, а также, учитывая общий срок «*разрешения сложившейся ситуации (с января 2026 года)*», осуществить возврат ему денежных средств в размере 20 000 000 рублей до 26 апреля 2026 года. При этом Ка. предоставил адвокату А. банковские реквизиты для осуществления указанного платежа, совпадающие с банковскими реквизитами доверителя ИП Ка., указанными в Соглашении.

28 апреля 2026 года адвокат А. отправил доверителю Ка. электронное письмо, в котором вновь подтвердил готовность вернуть денежные средства в размере 8 000 000 рублей, перечисленные на расчетный счет Адвокатского бюро города Москвы «К.», «*в указанные ранее сроки*», а также вновь заявил о необоснованности претензий Ка. в остальной части. В тот же день, 28 апреля 2026 года, Ка. в ответном письме адвокату А. констатировал неисполнение последним его требования о возврате вознаграждения в общей сумме 20 000 000 рублей и сообщил о своем намерении обратиться в связи с этим с жалобой в Адвокатскую палату города Москвы.

В жалобе Ка. выдвинуты следующие дисциплинарные обвинения в отношении адвоката А.:

1) в неисполнении обязанностей по формализации отношений с доверителем Ка., выразившемся в незаключении с ним письменного соглашения об оказании юридической помощи, предусматривающего выплату вознаграждения в размере 12 000 000 рублей, а также в получении указанной суммы в наличной форме через представителя адвоката А. – Ал. без внесения ее в кассу либо на расчетный счет адвокатского образования, а также без выдачи доверителю Ка. финансового документа, подтверждающего получение указанных денежных средств;

2) в бездействии адвоката А., выразившемся в неоказании доверителю ИП Ка. какой-либо юридической помощи по Соглашению от 05 ноября 2025 года;

3) в уклонении адвоката А. от возврата неотработанного вознаграждения за оказание юридической помощи в общей сумме 20 000 000 рублей после отмены ИП Ка. поручения.

Рассматривая первое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает следующее.

Согласно п. 1, 2 и 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение об оказании юридической помощи представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу; вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

При этом ответственность за ненадлежащее оформление отношений с доверителем лежит на адвокате, являющемся профессиональным участником юридического правоотношения. По этой причине предусмотренная пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанность адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем. Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя, поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может породить разногласия по поводу объема принятого и/или исполненного поручения, затруднить заявителю защиту данных прав и охраняемых законом интересов, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

Вместе с тем, в результате дисциплинарного разбирательства не был установлен факт неисполнения или ненадлежащего исполнения адвокатом А. этих требований. Заявителем Ка. не представлено доказательств, подтверждающих доводы его жалобы о том, что после заключения с адвокатами Адвокатского бюро города Москвы «К.» в лице управляющего партнера – адвоката А. Соглашения от 05 ноября 2025 года (по которому все перечисленные выше требования законодательства по формализации отношений с доверителем исполнены надлежащим образом) он заключил «*еще одно соглашение об оказании юридической помощи*», согласно условиям которого передал представителю адвоката А. 12 000 000 рублей в

наличной форме, при этом подписанное соглашение Ка. до сих пор не передано.

Из приложенных к жалобе заявителя Ка. материалов переписки, а равно из иных материалов дисциплинарного производства не усматривается ни обсуждения заключения указанного дополнительного соглашения, ни сведений, подтверждающих передачу адвокату А. или какому-либо его представителю денежных средств в сумме 12 000 000 рублей. Адвокат А. эти утверждения заявителя последовательно отрицает как в переписке с ним, так и в ходе настоящего дисциплинарного производства.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части рассматриваемого дисциплинарного обвинения.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неоказании адвокатом А. доверителю ИП Ка. какой-либо юридической помощи по Соглашению от 05 ноября 2025 года, Совет учитывает следующее.

Как указано выше, в материалах дисциплинарного производства содержатся два Акта сдачи-приемки оказанной юридической помощи от 18 ноября 2025 года, содержащие сведения об оказании юридической помощи за период с 05 по 17 ноября 2025 года. В этих актах, подписанных адвокатом А., отражены следующие виды юридической помощи, оказанной доверителю Ка.: *«Анализ Решения о назначении выездной налоговой проверки»; «Консультация Доверителя по вопросам проведения выездной налоговой проверки»; «Юридический анализ первичного запроса (требования) о предоставлении документов от ИФНС»; «Изучение документов и материалов, подготовка меморандума»; «Сопровождении доверителя при проведении выездной налоговой проверки, консультирование»; «Ежедневный мониторинг и консультирование по ходу ВНП»; «Подготовка письменных мотивированных возражений и пояснений на запросы проверяющих в ходе ВНП»; «Подготовка Письменных возражений на Акт ВНП».* Указанные акты были представлены доверителю Ка. в электронной форме 19 ноября 2025 года с просьбой об их подписании, но не были им ни подписаны, ни оспорены в установленный Соглашением пятидневный срок.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что в результате дисциплинарного разбирательства не нашел подтверждения факт полного бездействия адвоката А., в связи с чем дисциплинарное производство и в данной части подлежит прекращению.

К иному выводу Совет приходит в отношении дисциплинарного обвинения в уклонении адвоката А. от возврата неотработанного вознаграждения после отмены Ка. поручения.

Как указано выше, получение адвокатом А. 12 000 000 рублей в наличной форме в результате дисциплинарного разбирательства не доказано. Вследствие этого подлежат оценке действия адвоката А. по уклонению от возврата вознаграждения в размере 8 000 000 рублей, выплата которого заявителем доказана и признается адвокатом А. Не оспаривается

участниками дисциплинарного производства и факт прекращения действия Соглашения от 05 ноября 2025 года по инициативе доверителя Ка. до его полного исполнения.

Согласно пп. 2 п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи», утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, «*доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесенного гонорара*» (Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (126). С. 7-8).

Следуя этим обязательным для всех адвокатов города Москвы профессионально-этическим предписаниям, адвокат А. был обязан возвратить доверителю Ка. неотработанную часть вознаграждения, не дожидаясь специального требования об этом доверителя, реализовавшего свое право на расторжение соглашения, уже в силу самого факта отмены им поручения и расторжения Соглашения от 05 ноября 2025 года до его полного исполнения, вне зависимости от причин такого его решения.

При этом, как описано выше, адвокат А. сам определил подлежащую возврату сумму вознаграждения в размере 8 000 000 рублей, указав в ответе на претензию Ка. (исх. № .. от 17 апреля 2026 года) о своей готовности возвратить последнему именно эту сумму в срок до 31 мая 2026 года. Тем самым адвокат А. взял на себя письменное обязательство перед доверителем совершить указанные действия. В дальнейшем это обязательство было вновь подтверждено адвокатом А. электронным письмом от 28 апреля 2026 года, которым он подтвердил готовность вернуть денежные средства в размере 8 000 000 рублей, перечисленные на расчетный счет Адвокатского бюро города Москвы «К.», «*в указанные ранее сроки*».

Согласно п. 1 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему.

Совет в этой связи отмечает, что именно адвокат, как профессиональный участник фидуциарных (доверительных) правоотношений, связанных с оказанием юридической помощи, обязан незамедлительно обеспечить своевременное информирование доверителя об объеме отработанного им вознаграждения и совершить весь комплекс действий, необходимых для обеспечения получения доверителем вознаграждения, которое адвокатом не было отработано. Соответственно, ответственность за оформление любых соглашений, определяющих порядок и срок возврата вознаграждения доверителю, равно и ответственность за соблюдение этих порядка и срока, также несет адвокат. При оформлении

этих документов он выступает и воспринимается доверителем как член профессионального сообщества, что предполагает повышенный уровень доверия к нему как к лицу, придерживающемуся высоких корпоративных стандартов поведения. Безусловный приоритет поддержания и сохранения убежденности доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката означает, что адвокат, в том числе и на этапе прекращения правоотношений с доверителем, обязан избегать действий, направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре (п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката), а также не вправе злоупотреблять доверием, поскольку такое злоупотребление несовместимо со статусом адвоката (п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Принятие адвокатом письменного обязательства перед доверителем о возврате ему денежных средств предполагает проявление высокого уровня доверия к адвокату со стороны доверителя. Именно в силу этого доверитель рассчитывает на добровольное и добросовестное исполнение адвокатом принятого обязательства в полном объеме и в установленный им срок и может воздерживаться в течение определенного времени от активных действий, направленных на защиту своих прав, включая обращение в суд. Поэтому полнота и своевременность исполнения принятого адвокатом обязательства приобретают большое профессионально-этическое значение. Неисполнение же адвокатом добровольно принятого им при осуществлении профессиональной деятельности письменного обязательства перед доверителем не может рассматриваться лишь как поведение частного лица в имущественных отношениях, вне контекста доверительных отношений, сложившихся в связи с оказанием юридической помощи, и в отрыве от профессионального статуса должника по обязательству и этических требований, основанных на этом профессиональном статусе. Такое поведение адвоката – именно с учетом этого профессионального статуса – обоснованно воспринимается доверителем как проявление адвокатом нечестности и недобросовестности в их взаимоотношениях, связанных с оказанием юридической помощи и основанных на доверии к адвокату. По этой причине и вопреки утверждению адвоката А. об «имущественном и полностью устранимом» характере такого нарушения, оно свидетельствует об игнорировании адвокатом фундаментальных профессионально-этических требований о недопустимости злоупотребления доверием и о совершении действий, направленных к его подрыву.

При этом Совет уже давал и доводил до всеобщего сведения профессионально-этическую оценку уклонения адвоката от исполнения добровольно принятого на себя обязательства о возврате доверителю неотработанной части вознаграждения. Так, в п. 2 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, указано: *«надлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, то есть выполнение обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством*

Российской Федерации средствами, предполагает не только оказание доверителю квалифицированной юридической помощи по интересующему его вопросу, но и строгое выполнение адвокатом предписаний закона о порядке оформления правоотношений с доверителем, поскольку именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения и расторжения соглашения об оказании юридической помощи, соответствовали требованиям действующего законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя. Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку затрудняет их защиту» (Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. С. 8-9 // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/7777/>).

Однако в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что, вопреки приведенным обязательным профессионально-этическим требованиям, указанное обязательство, принятое адвокатом А. перед доверителем Ка., не исполнено адвокатом не только в установленный срок, но и до сих пор.

Совет отмечает, что требования о возврате вознаграждения, перечисленного в безналичной форме на расчетный счет Адвокатского бюро города Москвы «К.», заявитель Ка. предъявлял к адвокату А., по крайней мере, начиная с 30 декабря 2025 года. В связи с этим и в силу приведенных выше предписаний пп. 2 п. 1 Разъяснений № 7 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О соглашении на оказание юридической помощи» адвокат А. был обязан в разумно короткий срок определить размер фактически отработанного им вознаграждения и возвратить доверителю его неотработанную часть, исключив этим сомнения доверителя в его честности и добросовестности. При этом, как указано выше, адвокат А. сам определил и письменно сообщил доверителю размер вознаграждения, подлежащего возврату, в 8 000 000 рублей. Несмотря на это, он не только не исполнил свою прямую профессиональную обязанность ни в установленный им срок, ни до настоящего времени, но и уклонялся от ее исполнения под различными предлогами (ссылаясь сначала на необходимость обсуждения вопросов о возврате вознаграждения не с доверителем, непосредственно его уплатившим, а с иным лицом, затем на отсутствие у него банковских реквизитов для возврата вознаграждения (при том, что вознаграждение было получено им от доверителя в безналичной форме, и эти банковские реквизиты были указаны непосредственно в Соглашении, а затем неоднократно подтверждены), и, наконец, после предоставления ему в очередной раз банковских реквизитов для осуществления платежа, на наличие спора с доверителем о размере подлежащего возврату

вознаграждения. После всего этого адвокат А. посчитал возможным потребовать предоставления ему банковских реквизитов уже у Совета, используя это требование, в том числе, как предлог для установления ему дополнительного срока исполнения обязательства, просроченного к этому моменту уже на 5 месяцев. Совокупность указанных обстоятельств свидетельствует не только об отсутствии у адвоката А. объективных препятствий для исполнения обязательства по возврату доверителю неотработанного вознаграждения, но и о создании им искусственных предлогов для недобросовестного уклонения от исполнения прямой профессиональной обязанности перед доверителем.

Оценив вышеизложенные обстоятельства в совокупности, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что рассматриваемое поведение адвоката А. приобрело характер несовместимого со статусом адвоката злоупотребления доверием. Это его поведение построено на умышленном и недобросовестном использовании сформировавшегося к нему как к лицу, имеющему профессиональный статус адвоката, доверия Ка. для продолжительного удержания неотработанного вознаграждения под различными надуманными предлогами.

По этой причине Совет приходит к выводу о том, что адвокат А., не исполнив вплоть до настоящего времени (29 октября 2026 года) добровольно принятое им 17 апреля 2026 года письменное обязательство о возврате доверителю ИП Ка. в срок до 31 мая 2026 года вознаграждения в размере 8 000 000 рублей за вычетом фактически отработанной его части и расходов, понесенных в связи с оказанием юридической помощи, не только действовал вопреки взаимосвязанным предписаниями пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката о честном, разумном и добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, но и злоупотребил доверием ИП Ка., нарушив тем самым предписания п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката А. в части рассматриваемого дисциплинарного обвинения опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

По причинам, описанным выше, Совет отклоняет как несостоятельные и не соответствующие действительности доводы адвоката А., содержащиеся в заявленном им ходатайстве от 28 октября 2026 года: об «имущественном и полностью устранимом» характере нарушения; об отсутствии к нему претензий, связанных с ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем; а также о том, что смерть его матери, последовавшая 16 июня 2026 года, препятствовала ему в исполнении обязательства по возврату неотработанного вознаграждения, принятого им 17 апреля 2026 года и подлежавшего исполнению до 31 мая 2026 года. Довод адвоката А. о том, что совершенное им нарушение не повлекло вреда правам

и интересам доверителя по существу налогового спора, Совет также отклоняет как попытку сместить фокус внимания с установленного нарушения на иные фактические обстоятельства, не относящиеся к предмету дисциплинарного производства. При этом, как указано выше, у заявителя Ка. имеются существенные претензии к качеству оказанной ему адвокатом А. юридической помощи в связи с налоговым спором, и именно из-за них Ка. отменил это поручение до его исполнения.

Оценка доводу адвоката А. о том, что он ранее не привлекался к дисциплинарной ответственности, будет дана ниже.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, свидетельствующий о злостном игнорировании адвокатом А. основополагающих требований законодательства и профессиональной этики. Учитывая значительный профессиональный стаж адвоката А. и его высокую публичную активность на различных профессиональных площадках по вопросам, касающимся приоритетов и ценностей адвокатской профессии, Совет не имеет оснований считать оценку адвокатом А. совершенного им нарушения как «имущественного и полностью устранимого» его добросовестным заблуждением. Совет оценивает эту его позицию, как и иные защитительные доводы, приведенные выше, как неискренние и направленные на уклонение от ответственности.

Совет констатирует, что совершенное адвокатом А. злоупотребление доверием заявителя в силу императивного характера пункта 3 статьи 5 Кодекса профессиональной этики адвоката несовместимо со статусом адвоката. Вместе с тем, вопреки не соответствующему действительности доводу адвоката А. о том, что нарушение допущено им впервые за 19 лет непрерывной адвокатской практики, Совет отмечает следующее. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 15 июля 2025 года №... к адвокату А. применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившееся в оставлении последнего без юридической помощи. При этом Совет в данном Решении указал адвокату А. на необходимость пересмотра и корректировки своего профессионального поведения, а также на необходимость надлежащего исполнения законодательно закрепленной обязанности постоянно совершенствовать свои знания и повышать профессиональный уровень (пп. 3 п. 1 ст.7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). То обстоятельство, что в связи с истечением годич ного срока, предусмотренного п. 1 ст. 26 Кодекса профессиональной этик и адвоката, адвокат А. считается не имеющим данного дисци плинарного взыскания, не препятствует учету этого факта при оценке как рассматриваемого довода адвоката А., так и неисполнения им привед енного выше предписания Совета о необходимости корректировки его профессионального поведения.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 сентября 2026

года №... к адвокату А. вновь была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение требований п. 2 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в недопустимом публичном высказывании в отношении судьи. Таким образом, вопреки рассматриваемому доводу адвоката А., умышленное игнорирование им профессионально-этических требований носит злостный и систематический характер, свидетельствующий о том, что он не считает себя связанным этими требованиями.

В связи с доводом адвоката А. о «полностью устранимом» характере совершенного им нарушения Совет отмечает, что обещанный им полный возврат вознаграждения в размере 8 000 000 рублей в очередной названный им (на этот раз – в обращении к Совету) срок – до 29 или 30 ноября 2026 года, превышающий на 6 месяцев срок, назначенный самим же адвокатом А. в обязательстве перед доверителем, по-прежнему является его обязанностью. Но исполнение им этой обязанности ни в коей мере не устранит совершенное им дисциплинарное нарушение, поскольку уже не сможет привести к восстановлению безвозвратно утраченного доверия Ка., которым адвокат А. умышленно злоупотребил, а также не будет означать надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем, поскольку согласно п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката эти обязанности должны исполняться, в том числе, своевременно. В дополнение к этому Совет вновь подчеркивает, что разрешение имущественных споров адвоката и доверителя находится вне компетенции органов адвокатского самоуправления, а предметом дисциплинарного разбирательства является нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и профессиональной этики. Обоснование же несостоятельности довода адвоката А. об «имущественном» характере совершенного им нарушения уже дано Советом выше.

Довод адвоката А. об отсутствии у него умысла на причинение вреда доверителю либо на подрыв доверия к адвокатуре, а также выражение им раскаяния Совет расценивает как неискренние, поскольку его описанное выше поведение, в том числе и в период, предоставленный ему по его просьбе Советом для достижения урегулирования с заявителем, не могло быть продиктовано ничем, кроме умысла на уклонение от исполнения принятого перед доверителем обязательства под различными надуманными предлогами.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что адвокат А. при осуществлении профессиональной деятельности руководствуется мотивами и целями, чуждыми существу и назначению адвокатской профессии, и не считает себя связанным профессионально-этическими требованиями. В силу этого Совет считает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит возможным удовлетворить просьбу адвоката А. о применении к нему более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката как в силу императивного

характера предписания п. 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и в силу того, что применение такой меры не соответствовало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 названного Кодекса, и создавало бы ложное представление о допустимости подобного профессионального поведения адвоката.

Совет выражает соболезнования адвокату А. в связи со смертью его матери и соглашается с тем, что уход близкого родственника является тяжелым и психотравмирующим событием в жизни любого человека. Однако при установленных обстоятельствах это событие также не свидетельствует о возможности применения к нему иной меры дисциплинарной ответственности, чем прекращение статуса адвоката.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого А. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая всю совокупность установленных обстоятельств, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности А., а также указанные выше личные обстоятельства, считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 1 (один) год.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 1, 2, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, 4, 7, пп. 3 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату А. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за неисполнение, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (честно, разумно, добросовестно и своевременно отстаивать права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; злоупотребление доверием несовместимо со статусом адвоката), профессиональных обязанностей перед доверителем Ка.,

выразившееся в том, что, добровольно приняв на себя 17 апреля 2026 года посредством направления ответа на претензию (исх. № ... от 17 апреля 2026 года) письменное обязательство о возврате доверителю ИП Ка. в срок до 31 мая 2026 года вознаграждения в размере 8 000 000 рублей (за вычетом фактически отработанной его части и расходов, понесенных в связи с оказанием юридической помощи), полученного от доверителя ИП Ка. двумя платежами в безналичной форме (4 000 000 рублей 05 ноября 2025 года и 4 000 000 рублей 06 ноября 2025 года) на основании Соглашения об оказании юридической помощи от 05 ноября 2025 года № …, заключенного между доверителем ИП Ка. и адвокатами Адвокатского бюро города Москвы «К.» в лице управляющего партнера – адвоката А., он, злоупотребляя доверием, сформировавшимся к нему как к адвокату у доверителя Ка., уклонился от исполнения этого обязательства вплоть до настоящего времени (по крайней мере, до 29 октября 2026 года включительно).

Установить в отношении А. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 1 (один) год.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе Ка. от 04 мая 2026 года (вх. № … от …), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

И.о. Президента
Адвокатской палаты города Москвы **И.А. Поляков**